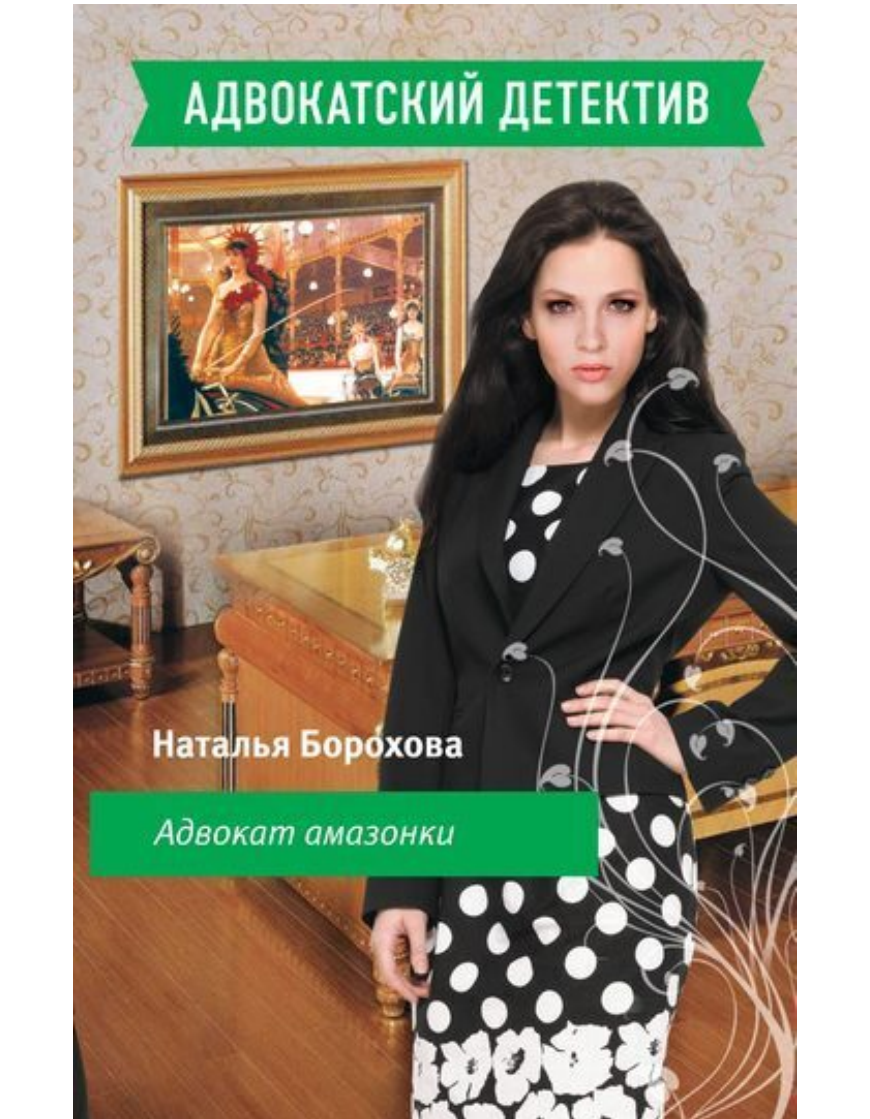

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Борохова

Адвокат амазонки

Наталья Евгеньевна Борохова

Адвокат амазонки

Серия «Адвокатский детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=433042

Наталья Борохова. Адвокат амазонки: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-45114-2

Аннотация

На первый взгляд виновность Виталия Бойко не вызывала сомнений. Врач втерся в доверие к смертельно больной актрисе Веронике Песецкой, влюбил в себя и женился на ней. А вскоре убил супругу, сделав смертельную инъекцию, чтобы получить богатое наследство... Однако адвокат Елизавета Дубровская поверила: Виталий искренне полюбил несчастную Веронику, но даже его чувства не смогли остановить женщину от самоубийства. Теперь Дубровской придется убедить в этом суд присяжных, с которым она столкнулась впервые в своей практике. В отличие от опытного прокурора, твердо решившего доказать, что на скамье подсудимых мошенник и убийца!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наталья Борохова

Адвокат амазонки

Глава 1

Это началось ясным мартовским утром, когда за окнами отчаянно звенела первая весенняя капель. Елизавета Дубровская завтракала на кухне в обществе своего мужа и, отхлебывая из чашки уже остывший чай, вяло соображала. Сколько лет она замужем? Неужели только шесть? Много это или мало? Много, если учесть, что ей уже тридцать и она еще не обзавелась детьми. С другой стороны, шесть лет – не срок для того, чтобы превратиться в старозаветную пару и сидеть за столом молча. Андрей был погружен в чтение газеты и словно даже не замечал, что с ним рядом находится молодая и интересная женщина, которая нуждается в его внимании больше, чем кто-нибудь из его партнеров по фармацевтическому бизнесу. Но Андрей Сергеевич был не способен оторваться от газетных столбцов, улыбнуться ей или даже просто протянуть через стол свою руку для дружеского пожатия. Он даже пару раз промахнулся, пытаясь попасть вилкой в яичницу. Это явно указывало на то, что проблемы его милой жены представлялись ему куда более далекими, чем политическая ситуация на Ближнем Востоке.

Дубровская делала вид, что просматривает свои бумаги. Правда, вместо этого она исподтишка изучала сосредоточенное лицо мужа и гадала, уделит ли он ей несколько минут своего драгоценного времени, или же ей придется ехать на работу, кинув ему напоследок дежурное: «Пока!»

Она пару раз демонстративно вздохнула, брякнула ложкой по блюдцу. Никакого результата! Оставалось гадать, не объявилась ли у них в Палестине парочка родственников, судьба которых сейчас не дает покоя ее супругу. Отчаявшись привлечь его внимание, Лиза просто бросила ему через стол сложенный вчетверо тетрадный лист.

– Мне хочется знать, что ты об этом думаешь, – сказала она.

Супруг покосился на неопрятную бумажку, но газету все-таки отложил. Его мать могла гордиться сыном. Андрей с детства был приучен внимательно относиться к женским просьбам.

Он развернул лист.

– *«Уважаемая Елизавета Германовна! Вы – моя последняя надежда»*, – прочел он и тут же брезгливо сморщился. К аромату кофе явно примешался какой-то посторонний отвратительный запах. Нетрудно было догадаться, что его источником было письмо.

– Господи! Несет, как из помойки. Где ты это взяла, Лиза? Дубровская нетерпеливо махнула рукой:

– Ты читай, читай!

– Могла хотя бы подождать, когда я закончу есть, – обиженно пробормотал супруг и погрузился в чтение письма.

«Уважаемая Елизавета Германовна! – бежали вниз торопливые строчки. – Вы – моя последняя надежда. Меня обвиняют в убийстве жены, которого я не совершал. Ника свела счеты с жизнью. Это было ее решение. Само предположение, что я могу быть причастен к ее смерти, – нелепость, ведь она – единственная женщина, которую я любил и продолжаю любить до сих пор. Я очень рассчитываю на вашу помощь и буду искренне признателен, если вы не оставите мое письмо без ответа. Но вы – успешный адвокат, и если вам не захочется взять на себя мою защиту, зла на вас держать я не буду. На всякий случай... меня зовут Виталий Бойко».

Дубровская могла цитировать письмо наизусть, но ей хотелось знать, что думает обо всем этом ее супруг. Андрей не спеша отложил бумагу в сторону.

– Что же, ты становишься популярной, – произнес он весьма бесцветно. – Мои поздравления.

– Это все, что ты можешь мне сказать?! – удивилась Лиза. Она была вправе рассчитывать на нечто большее, чем этот скупой комментарий, в котором даже поздравления казались ей неестественными и сухими.

– А что ты хотела услышать? – поднял бровь Андрей. – Это дело вполне в твоем вкусе. Не нужно быть провидцем, чтобы предсказать, чем ты будешь заниматься ближайший

месяц. Конечно, ты сломя голову кинешься на помощь этому Бойко. К тому же всегда приятно, когда тебя причисляют к разряду «успешных адвокатов».

– А у тебя есть какие-то возражения на этот счет? – возмутилась Лиза. Она уже жалела о том, что продемонстрировала мужу адресованное ей письмо, ведь ей было известно наперед все, что он скажет.

– Ты – замечательный адвокат, – подтвердил муж, но в его устах признание ее заслуг почему-то не звучало как комплимент. – Ты могла бы добиться успеха, если бы дела, которыми ты занимаешься, приносили тебе пользу...

– ... материальную, – язвительно продолжила Дубровская.

– А почему бы и нет? – удивился супруг. – Адвокат живет за счет своих клиентов, и его труд должен хорошо оплачиваться. Ты уже отдала свой долг обществу, восемь лет защищая сирых и убогих. Сейчас ты встала на ноги, обзавелась собственным офисом. Теперь ты можешь диктовать свои условия и подбирать для себя достойных клиентов.

– Таких, которых нашел для меня ты, – заметила Лиза, имея в виду известного бизнесмена Лыкова, которого направил к ней супруг неделю назад. Речь шла о крупном бракоразводном процессе, где разделу подлежало совместно нажитое супругами имущество, стоимость которого исчислялась десятками миллионов рублей.

– Не знаю, чем тебе не нравится Лыков, – поджал губы Ан-

дрей, словно читая мысли своей второй половины. — Во всяком случае, он никого не убил. Он всего лишь желает оставить при себе свой бизнес и немного умерить аппетиты жены, которая некогда вышла за него замуж по расчету. В конце концов, он готов оплачивать твои услуги. В письме, которое ты получила, смею заметить, о финансовой стороне дела не сказано ни слова. Должно быть, этот Бойко рассчитывает, что ты будешь заниматься его делом исключительно из собственного интереса.

Андрей был абсолютно прав, и у Дубровской мелькнула мысль, не хитрил ли автор письма, причисляя ее к сообществу «успешных адвокатов», с расчетом не платить за ее работу. Конечно, многие коллеги считали ее женщиной состоятельной. Как-никак она была женой Андрея Мерцалова, «мистера Анальгина», как называли его некоторые. Андрей возглавлял крупную фармацевтическую компанию и считался успешным бизнесменом от медицины. Он занимался производством и продажей лекарственных и химических препаратов, духов, витаминов, лосьонов; владел целой сетью аптек и медицинским центром. Мерцалов отлично знал свое дело и без труда мог бы читать лекции по технологии производства любого из своих товаров: от антикоррозийной пленки до современных чудо—пилюль против рака. Все, к чему бы он ни прикасался на протяжении последних десяти лет, было обречено на успех и сулило немалую финансовую выгоду. Понятно, что при своем достатке он мог бы позволить жене

заниматься всем, чем она пожелает. Он не упрекал бы ее даже в случае, если бы она вела светскую жизнь: ходила бы на приемы и вечеринки, просиживала дни напролет в салонах красоты, спускала его деньги в модных бутиках. Это было бы, по крайней мере, объяснимо и традиционно для людей его круга. Но Мерцалов не мог взять в толк, откуда у Елизаветы взялась такая странная тяга к загадкам и расследованиям. Причем чем хитроумнее была задача, тем азартнее становилась его жена, направляя потоки колоссальной энергии на защиту человека, в карманах которого зачастую гулял ветер. С экономической точки зрения это было крайне невыгодно, если вообще не глупо. Мерцалов считал бездумным растрачивать бесценный юридический дар супруги на дела, подобные предложению этого прохвоста Бойко. Об этом он не стеснялся ей говорить, особенно в последнее время, когда Елизавета благодаря его стараниям стала хозяйкой собственного адвокатского офиса.

– Я не отказываюсь вести дело Лыкова, – словно оправдываясь, говорила Дубровская. – Оно тоже по-своему интересно, но мне нужно нечто большее, чем определение долей супругов в совместно нажитом имуществе. Я люблю интригу, захватывающие повороты расследования.

– И это ты рассчитываешь получить здесь? – скептически произнес Андрей, кивая на отброшенное в сторону письмо. На его взгляд, он обеспечил жене просто фантастические повороты сюжета по разделу бизнеса между супругами. Бог

ведь, почему она занимается этим с такой неохотой?

Вместо ответа Дубровская взяла письмо Бойко и вдохнула в себя отвратительный запах желтоватой бумаги в клеточку.

– Оно написано в следственном изоляторе, – пояснила она с таким выражением, словно пыталась определить обонянием компоненты самых изысканных духов. – Автор письма – человек, безусловно, воспитанный и интеллигентный. Это можно понять по стилю письма и безукоризненной грамотности. Все знаки препинания находятся на своих местах. Должно быть, он получил высшее образование. Бойко определенно не занят в бизнесе, обладает средним достатком. Вероятно, у него нет детей или других родственников, которым была бы интересна его судьба. Он – человек творческой профессии, увлекающийся, страстный по натуре. Скорее всего, ему где-то в районе тридцати лет.

Андрей хмыкнул, словно аналитические способности жены не произвели на него никакого впечатления.

– Берешь пример с Шерлока Холмса? – спросил он. – А что ты скажешь на то, что твоему Виталию Бойко двадцать восемь лет? Он окончил медицинский институт и работает по специальности врачом в окружном онкологическом диспансере. Посредственный специалист без научных званий и прочих регалий. Более года назад он заключил скоропальный брак с актрисой Вероникой Песецкой, женщиной состоятельной, но очень больной. На настоящий момент этого прохвоста Бойко обвиняют в убийстве жены, и, на мой

взгляд, небезосновательно.

Произнеся эту маленькую речь, Мерцалов, весьма довольный собой, откинулся на стуле. Он ожидал реакции Елизаветы.

Дубровская схватила письмо и, часто моргая, уставилась в неровные строчки, написанные стремительным почерком. Она поворачивала лист так и эдак, но все равно не смогла взять в толк, откуда Андрей взял такие сведения. Может, она что-то пропустила?

– Ты шутишь? – спросила она подозрительно.

Насладившись произведенным эффектом, Андрей кинул ей газету, которую изучал полчаса назад.

– Читай, там все написано, – сказал он.

Заголовок статьи на третьей странице был набран крупным жирным шрифтом: *«Врач-убийца ждет возмездия...»*

«Врач... Слово короткое и емкое, включающее в себя нашу боль и нашу надежду. Человек, который первым приветствует наше появление в этом мире, заботится, лечит, предостерегает. Он причиняет боль только для того, чтобы предотвратить большее зло: искоренить опасную болезнь, спасти нас, вытащить с того света, сказать слова утешения, если надежды уже нет. Можно ли поступить более цинично по отношению к этому святому долгу, кроме как использовать свои знания и умения для того, чтобы умышленно лишить человека жизни? Врач окружного онкологического диспансера Виталий Бойко знает ответ на этот вопрос.

Сталкиваясь каждый день с болью и жалобами людей, сраженных страшным недугом, он быстро осознал, что путь к богатству и благосостоянию тянется не по больничному коридору. Но, как человек предприимчивый и энергичный, он сделал ставку на удачу и... не прогадал. Его жертвой стала сорокалетняя актриса и бизнес-леди Вероника Песецкая, которую молодой врач заприметил среди пациентов диспансера. Не являясь лечащим врачом женщины, Бойко тем не менее сумел завоевать ее расположение и доверие. Онкологический диспансер – место не самое типичное для любовных романов между пациентом и врачом. Однако за головокружительной love-story Бойко наблюдал медицинский персонал учреждения и даже некоторые пациенты. Ловкому молодому повесе потребовалось около четырех месяцев, чтобы «окрутить» невесту, и еще месяц для того, чтобы заключить с ней брак и позаботиться о завещании в свою пользу. Почему такая разумная и здравомыслящая женщина, как Вероника Песецкая, стала жертвой любовной авантюры, остается только догадываться. Увы! Сама она об этом уже не расскажет. Пять месяцев назад Вероника скончалась от смертельной инъекции у себя дома. Поначалу причиной ее смерти считали самоубийство. Женщина находилась в серьезной стрессовой ситуации, вызванной обнаруженным у нее заболеванием – раком. Проведенная операция по удалению груди лишь только усугубила душевный кризис пациентки. В эту драматическую пору жизни

актрисы рядом с ней оказался человек холодный и расчетливый, который решил извлечь массу пользы для себя лично. Виталий Бойко ввел потерпевшей смертельную дозу инсулина и стал наследником состояния, оставшегося после смерти Песецкой. Однако родственники и знакомые Вероники, как, впрочем, и работники правоохранительных органов, ведущих расследование по делу, надеются на суровый приговор для врача-оборотня».

Дубровская дочитала заметку и перевела дух.

– Ну, как? – насмешливо осведомился супруг. – Тебя еще не тошнит?

– На первый взгляд все выглядит отвратительно, – подтвердила Лиза. – Убийство беззащитной женщины, сраженной раком, – само по себе событие возмутительное. Но если представить себе, что его совершает злодей в белом халате, а по совместительству еще и муж пациентки, – это уже сенсация. Общественное мнение без боя переходит на сторону обвинения.

Мерцалов внимательно поглядел на жену. Что-то в ее взгляде говорило ему о том, что она беседует с ним не совсем искренне. Может, всему виной были золотистые искорки веселья, которые плясали в ее темных глазах, когда она улыбалась?

– Только не говори мне, что уже видишь в этом деле другую, светлую сторону, – предупредил он ее. – Не понимаю только, откуда у вас, адвокатов, такое неистребимое желание

говорить все наоборот? Называть черное белым?

– Наверняка это потому, что истина всегда находится где-то посередине, – улыбнулась Дубровская. – В любом споре всегда нужно выслушать обе стороны. Заметку в газету писали точно под диктовку прокурора. Версией Бойко никто интересоваться не стал.

– У тебя в руках письмо этого прохвоста, – напомнил Андрей. – Что-то мне не кажется, что он спешит раскрыть тебе душу. Может, он рассчитывает на то, что тебе удастся за него придумать что-то мало-мальски похожее на правду?

– Виталий надеется на личную встречу. Зачем исповедоваться адвокату, который еще не решил, возьмет он на себя защиту или нет?

– И ты собираешься с ним встречаться? – со священным ужасом в глазах спросил Мерцалов. – Господи, Лиза, ты пойдешь к нему в тюрьму?

Дубровская вздохнула.

– Напомню тебе, что по роду своей работы я только и хожу в тюрьму к ворам, разбойникам, насильникам и убийцам, – просто сказала она. Ее всегда веселило непонимание, с которым некоторые люди, включая ее собственного мужа, относились к профессии адвоката. *«Ну, скажи, как ты можешь защищать такого подлеца?»*, *«Неужели у всех адвокатов такие расплывчатые моральные принципы? Какой ужас!»* Странно, но никто не спрашивает врача, как он может лечить заразного пациента; приятно ли ему осматривать

гнойные раны, изучать содержимое ночной посуды. Есть издержки профессии, с которыми приходится считаться.

– Я – тоже по специальности врач, – словно отвечая на мысли жены, пояснил Андрей. – Не обнаружив в себе ни сил, ни желания лезть руками под потные рубашки, я нашел себе нишу, в которой прекрасно себя чувствую. При этом – заметь! – я помогаю людям.

– Ты предлагаешь и мне найти такую нишу?

– Разумеется! Тебе вовсе не обязательно дышать вонью следственных изоляторов. Есть немало дел в юриспруденции, на которых можно делать деньги. Это высококвалифицированный, интеллигентный труд. Это тебе не какая-нибудь там «Мурка» с выходом! Займись гражданскими делами, арбитражем, наконец. Сбрось к черту всю эту блатную романтику!

– Я уже слишком взрослая, Андрей. И романтика здесь совсем ни при чем. Мне просто нравится этим заниматься.

– Не говори ерунды, Лиза. Тебе хочется защищать этого проходимца, который ради дома, спального гарнитура и дюжины серебряных ложек убил несчастную женщину? У тебя это вызывает интерес? Опомнись!

– Я не первый год работаю адвокатом, – строго напомнила Дубровская. Ей не нравилось, когда ее увлеченность путали с болезненной манией. – Я знаю, о чем говорю. Помнишь писательницу Данилевскую, которую судили за убийство лучшей подруги? Якобы женщины не смогли поделить одного

мужчину? Какая нелегкая задача стояла передо мной тогда: убедить всех, кто еще до суда вынес свой приговор, в том, что писательница невиновна. А как выглядел в глазах публики известный адвокат Лещинский, в постели которого обнаружили задушенную секретаршу? Какой нелепой казалась всем его линия защиты: девушку-де задушил кто-то другой, кто во время их занятий любовью прятался под кроватью. Да все смеялись ему в глаза. Надо же придумать такое! А дело бедного альфонса Димы Сереброва, обвиняемого в убийстве немолодой, но богатой жены? Забыл? А дело Аркадия Соболева, презренного насильника, который, оказывается, никого не насиловал? Ты помнишь?

– Я помню, помню. Не понимаю только, зачем ты мне сейчас о них говоришь? У нас что сегодня, утро воспоминаний? – раздраженно бросил Андрей. Его жена почитала всех этих людей, как близких родственников. Он удивлялся, почему она до сих пор не украсила их портретами стены своего офиса.

– Я говорю тебе о них сейчас как о людях невинных, имена которых еще до суда смешали с грязью. Где гарантии того, что Виталий Бойко не станет членом их команды?

– Тебя послушать, так все, кого привлекают к ответственности, невиновны! Насколько я помню, обвинительных приговоров в твоей копилке было на порядок больше.

– Да, это так! Но это не повод, чтобы называть человека преступником еще до суда. По крайней мере, во всем этом

нужно разобраться...

Дубровская не заметила, что голос ее звучит громко и звонко, как под сводами Дворца правосудия. Защитительная речь, произнесенная на кухне среди чайников и прихваток, выглядела нелепо.

– Похоже, я зря теряю время, пытаюсь толковать прописные истины человеку, который не собирается учиться грамоте, – фыркнул Андрей, бросая на стол салфетку. – Вольному воля! Но не считай, что я буду оплачивать из своего кармана содержание твоего адвокатского офиса. Если мне захочется заняться благотворительностью, я лучше перечислю деньги на счет детского дома.

– Я это учту, – проговорила Лиза, чрезвычайно раздосадованная тем, что семейный завтрак не удался...

Глава 2

Господин Лыков, перешагнув порог адвокатского офиса, внимательно огляделся. Он считал себя человеком основательным, и это было видно за версту. Прекрасно скроенный, дорогой костюм мягко облегал его крупную, несколько грузную фигуру с уже заметным брюшком. Безукоризненной чистоты сорочка, сшитая на заказ, часы «Blanc Pain» на запястье, роскошный кожаный портфель – все это очевидно указывало на то, что мужчина привык окружать себя дорогими, красивыми вещами. Правда, с недавних пор его жена, сорокалетняя домохозяйка с двумя детьми, перестала соответствовать его представлениям о прекрасном.

– У вас уютно, – одобрительно сказал он, скользнув взглядом по стенам адвокатского офиса. Для него было важно, чтобы обслуживающий его юрист тоже отвечал самым высоким критериям профессионализма. У Дубровской была отличная репутация и подходящее для встреч помещение. Кроме того, наличие преуспевающего супруга-бизнесмена отбрасывало на Елизавету отблеск удачи. Впрочем, и сама адвокат, женщина молодая, привлекательная, деловая, внушала ему доверие. Это было немаловажно для господина Лыкова, поскольку Лизе было поручено «дело деликатного свойства».

– Я хочу, чтобы мой развод с Ниной прошел гладко. Без

лишнего шума, – начал говорить он, когда они уселись друг напротив друга в мягких креслах. – Мне не нужна война. Я заранее готов пойти на уступки.

– Как я понимаю, вашу жену не устраивает «мирный сценарий».

– Именно в этом проблема! Нина как с цепи сорвалась. Черт возьми, я ее даже не узнаю. Сейчас я спрашиваю себя, как мы вообще умудрились прожить вместе двадцать лет? – жаловался бизнесмен, ища сочувствия в глазах адвоката. Он долго думал, кто сможет быть его представителем в суде: мужчина или женщина, но в конце концов остановился на том, что дамы в вопросах деликатного свойства превосходят мужчин. Увидев Лизу, он только лишний раз убедился в своей правоте. Молодая, красивая женщина – это то, что ему сейчас надо. Ведь всю эту историю с разводом он затеял не на пустом месте. В его сердце давно жила любовь. Конечно, не к своей немолодой жене, а к юной студентке международного факультета. Лика была так молода, так красива и так напориста, что у его супруги просто не было шансов. Вся его прежняя, скучная жизнь казалась господину Лыкову сейчас лишь черновиком. С юной женой он начнет жизнь с чистого листа.

– Жена не дает вам развод? – осведомилась Дубровская. – Но это проблема, которая легко решается через суд. У вас есть дети?

– Да. Дочь восемнадцати лет и сынок, которому три года.

– В этом случае судебного процесса вам не миновать.

– Да, я это знаю, – кивнул Лыков. – Просто не могу понять, почему моя жена решила вдруг проявить упрямство. Ведь я не отказываюсь содержать детей: английский колледж для дочери, частный детский сад для сына, педагоги, репетиторы, врачи. Неужели Нина не может понять: для них все останется по-прежнему...

«Кроме того, что их отец уйдет из семьи», – подумала Дубровская, но от комментария вслух воздержалась. Адвокатов нанимают для того, чтобы решать юридические проблемы. Они не должны воспитывать своих клиентов.

– Что же не устраивает вашу жену? – изобразила непонимание Лиза, хотя сама уже знала, что именно, со слов мужа. Но Лыков должен был рассказать ей об этом сам.

– Мой бизнес, – тяжело вздохнул посетитель. – Вы ведь знаете сеть гостиниц и ресторанов «Княжий двор»?

Разумеется, об этом знали все. Сделав ставку на национальный русский колорит, Лыков не прогадал. Его гостиницы были всегда заполнены иностранцами и командированными. Конечно, это не был уровень пяти звезд, но бизнесмен не ставил перед собой такой цели. Номера были чисты и уютны, а пища в ресторанах выше всяких похвал. Наваристая уха, расстегаи, сибирские пельмени, домашние соленья пользовались спросом у всех, кто любил вкусно и просто поесть. Сюда любили приходить с детьми. Малышне было любопытно поглядеть на княжеские доспехи, развешанные по

стенам, посидеть на медвежьей шкуре у камина, где зимой жарко пылал огонь, отведать нежнейших блинчиков с начинкой из свежих ягод.

— Дело в том, что я не являюсь фактическим владельцем гостиницы «Подворье», — смущенно кряхтя, признался Лыков. — Это самое первое, самое крупное и желанное мое детище, титульным владельцем которого является жена. Видите ли, я когда-то весьма неосторожно оформил бизнес на нее. Но кто бы мог тогда предположить, что так все сложится...

«...что моя жена поблекнет, а я встречу молодую красотку, у которой ноги длиннее, чем у Барби, а грудь, когда она потягивается в постели, прыгает чуть ли не до подбородка».

— ...я работал тогда государственным служащим и, как вы понимаете, не имел права заниматься предпринимательской деятельностью. Но зарплаты не хватало, да и скоро я осознал, что мое призвание вовсе не совещания и отчеты. Короче, я оформил все на Нину, с которой на тот момент у нас было полное взаимопонимание. Тогда многие так делали. Позже, когда я ушел со службы и моя деятельность приобрела легальный характер, я не спешил что-то менять. Все шло превосходно. Гостиница приносила доход. Но вот теперь, когда мы разводимся, Нина отказывается возвращать бизнес мне.

«...эта чертова баба заявляет, что оставит меня без штанов. Пожалуй, это для нее единственный способ увидеть меня голым. Сама мысль о том, что я с ней могу заниматься любовью, вызывает у меня отвращение. Что только стоит ее

отвисшая грудь и дряблый живот, в самом низу которого есть еще алый рубец от кесарева сечения. Боже, как вспомнишь о Лике...».

– Скажите, ваша жена работала в вашем бизнесе?

– Нет, никогда.

– Ну, она хотя бы имеет представление о том, как управлять гостиницей или рестораном?

– Она не работала в своей жизни ни дня, а университет бросила сразу же, как только вышла за меня замуж. Конечно, она умеет читать и писать и даже считает себя образованной женщиной, но в бизнесе она не смыслит ни черта!

Последняя фраза вырвалась у господина Лыкова помимо воли. Было видно, что семейные дразги достали мужчину и он с трудом удерживается, чтобы не сказать в адрес своей супруги крепкое словцо.

– Понимаете, я не знаю, чего ей от меня надо, – заговорил он, отодвинув в сторону светские манеры. – Я пообещал ей хорошее содержание, при котором ей нет нужды искать себе работу. Она сможет заниматься тем, чем занималась до сих пор. То есть ничем! Сидеть до полуночи с подружками в гостиной, ходить по пятницам в баню и каждый год ездить в Турцию. Что еще? Массажисты, парикмахеры, всякие там пилинги? Пожалуйста! Правда, ей придется немного урезать свои траты. Ведь я собираюсь содержать еще одну семью. А если у меня родятся дети?

Лыков покраснел, понимая, что сболтнул лишнее. В его

планы вовсе не входило до поры до времени раскрывать перед адвокатом причину своего развода. Должно быть, бизнесмен считал, что мотивы его поступка для всех являются загадкой. Хотя Лиза, как и любая бы женщина на ее месте, давно сообразила, что скрывается за туманной фразой «не сошлись характерами».

Лыков отчаянно махнул рукой:

– К чему скрывать? Да, я встретил и полюбил замечательную женщину, с которой собираюсь оформить отношения. Конечно, у нас будут дети, ведь моя невеста еще очень молода. Я хочу ей дать все, что она пожелает. И для этого мне нужны деньги и весь мой бизнес. Весь! Я хочу быть хозяином положения и не зависеть от мнения моей бывшей жены, что бы она там о себе ни воображала.

– На данный момент она является пока вашей *настоящей* супругой, – напомнила Дубровская. – Ваш брак зарегистрирован, между вами не было заключено брачного договора. Стало быть, по закону Нина имеет право на половину нажитого в браке имущества. Вы спрашивали: что движет ею, когда она грозитя отнять у вас бизнес? Конечно, не стремление руководить вашими гостиницами и ресторанами. Она понятия не имеет, как это делать, и, по-видимому, даже не собирается этому учиться. Ведь в противном случае она давно заняла бы свое место у штурвала. В ней говорит обида. Обида женщины, которую бросают ради другой, молодой и красивой.

– Вы знаете Лику? – встрепнулся Лыков.

Дубровской не нужно было знать его новую избранницу, чтобы сказать, что она собой представляет. Вряд ли этот лохоточный господин выбрал себе в подружки невзрачную аспирантку, единственным достоинством которой была почти законченная кандидатская диссертация.

– Короче, если вы не хотите погрязнуть в длительном судебном процессе, вы должны решить вопрос со своей женой любовно, – сказала она, подводя итог встречи.

– Но она не желает договариваться!

– Тогда подумайте, как это лучше сделать. Я не могу принудить ее к этому, приставив ей револьвер к уху. Судебное разбирательство – не лучшее решение в вашем случае. Процесс затянется надолго.

Обычно адвокаты ничего не имеют против затяжных судебных тяжб, особенно если клиент располагает деньгами. Такое дело может кормить защитника не один месяц. Но Дубровской не хотелось трясти грязное семейное белье господина Лыкова. Мелодрамы с грустным финалом были не в ее стиле. Сейчас она просто помогала приятелю Андрея и вовсе не собиралась делать на его разводе деньги.

– Но должны же быть какие-нибудь адвокатские уловки! – возмутился Лыков. – Я не хочу плясать под дудку этой женщины.

– Вам все равно придется договариваться с ней, если захотите получить свою гостиницу обратно. Ну, включите же

свое воображение. Представьте, что бы ее устроило. Щедрая денежная компенсация, океанский круиз, новая машина или интересная работа.

Проблема была в том, что Нина желала получить своего супруга обратно, в свою полную собственность. И Дубровская, и Лыков прекрасно знали об этом. Но все же перед тем, как кидаться в омут затяжного судебного процесса, следовало испробовать все способы решить дело миром.

– Мы с вами обязательно встретимся и обговорим все детали, – пообещала Лиза. – Но пока объяснитесь с женой еще раз. Без угроз и оскорблений. Быть может, она пойдет вам навстречу. Ведь если она решится на войну, ей тоже будет несладко. Вы вовсе не обязаны поддерживать ее прежний образ жизни. Так что пилинги, парикмахеров и массажистов она должна будет оплачивать сама. Кроме того, ей придется искать работу. В сорок лет, без образования и опыта, сделать это ей будет очень сложно.

Лыков кивал головой, но в глубине души чувствовал досаду. На себя, потому что вовремя не просчитал возможную реакцию жены на развод. На Нину, потому что та решила вдруг проявить характер и отнять у него то, что ему было по-настоящему дорого. На адвоката, которая предлагала ему прогнуться перед женой. И даже на Лику, которая решила выйти за него замуж именно этой весной...

Дубровская, оставшись одна, несколько раз крутанулась на своем кресле. Мебель в кабинете была новенькой, и вся обстановка была подобрана ею по своему вкусу. Постеры с видами британской столицы Лиза сама приобрела на рынке Ковент-Гарден, когда отдыхала в Лондоне. На стенах, выдержанных в цвете топленого молока, они смотрелись изысканно, по-европейски. За тонированными стеклами шкафов мерцали корешки книг и брошюр, расставленных рядами в соответствии с их размером и оттенком. Все было безупречно, даже бронзовая фигурка Фемиды с мечом в одной руке и с весами в другой, которую торжественно преподнес ей Андрей на новоселье. Кажется, он назвал богиню непременно атрибутом «приличного» офиса, где обитает юрист. Ему верилось, что переезд станет знаковым событием в карьере жены и ее дела непременно пойдут в гору. Впрочем, Лиза и сама так считала, увлеченно просматривая каталоги офисной мебели. Она заказала жалюзи на окна и дорогой письменный набор на стол, поставила на подоконники цветочные горшки и хрупкие статуэтки из муранского стекла в книжные шкафы. Она завела даже собственный бар с приличным кофе и коньяком для солидных клиентов. Хрустальные фужеры, японский фарфор, пепельница ручной работы (притом что Лиза не выносила даже запаха табака) ждали своего часа, за-

пертые на ключ. Сейф, встроенный в стену в глубине шкафа, должен был хранить заработанные честным трудом деньги. Но все-таки Лизу не оставляло ощущение того, что чего-то во всем этом великолепии не хватает.

Она сейчас часто вспоминала свою прежнюю адвокатскую контору, больше похожую на улей, чем на юридический офис. Тридцать адвокатов работали на ста квадратных метрах площади и размещались по двое за одним рабочим столом. В помещении всегда стоял ровный гул. Одни адвокаты принимали клиентов, другие беседовали между собой. Где-то шумел чайник, где-то трезвонил телефон. Работать в таких условиях было невозможно. Их спасало лишь то, что большая часть коллег находилась на заседаниях в судах. Вместе коллектив собирался только на праздники. Когда-то она отчаянно хотела оттуда выбраться. Лиза уставала от большого числа так называемых «бесплатных дел», по которым вознаграждение выплачивало государство. Она не хотела, чтобы в ящике письменного стола стояли ботинки ее коллеги. Она чертыхалась всякий раз, когда спотыкалась о край вспученного от влаги линолеума. Зато теперь, оставшись одна в своем стильном офисе, она чувствовала щемящую грусть, словно простилась с чудесной, романтической порой своей молодости.

Лиза вытащила из сумки письмо Бойко и от нечего делать снова стала изучать текст. Она подумала, стоит ли ей на него отвечать. Написать ради приличия что-нибудь корот-

кое, придумать уважительную причину, выразить свой отказ изящно. Что-нибудь типа: «Извините, но в связи с большой занятостью...» Или: «В последнее время я занимаюсь исключительно гражданскими делами...»

Разозлившись на саму себя, Лиза отложила письмо в сторону и уселась за компьютер. Включив Интернет, она набрала в окошке имя «Вероника Песецкая», и уже через несколько секунд к ее услугам была вся информация о женщине, внезапный уход из жизни которой стал трагедией для Виталия Бойко. К текстам прилагалась галерея цветных снимков, и Дубровская не без любопытства стала рассматривать их.

Конечно, она сразу же ее узнала. Вероника была актрисой одной, но хорошо запоминающейся роли. Тогда Песецкая сыграла роковую красавицу, образ которой был таким ярким и живым, списанным точно из жизни, что все ее последующие пробы в кино казались жалким подобием дебюта. Она еще пару раз пыталась играть в сериалах, но вскоре оставила актерскую карьеру. После первого ее успеха в кино все это было слишком блекло. Песецкая не была рождена для того, чтобы собирать крохи. Она окунулась с головой в модельный бизнес и немало в нем преуспела. Будучи от природы натурой жесткой и самолюбивой, она без труда преобразилась в деловую даму и капризными моделями управляла твердой рукой. Вероника была красива и обольстительна, так что на первый взгляд представлялась конкурентам эдакой породистой кошечкой. Но расслабляться рядом с ней не

стоило: у кошечки были крепкие когти и острые зубы.

Дубровская разглядывала фотографии актрисы внимательно, прекрасно осознавая, что восхищается ею. Эту женщину, казалось, переполняла жизнь. Тем более странно было осознавать, что она уже мертва и ее кончина окутана тайной. Со снимков на Елизавету смотрело красивое живое лицо, которое знатоки женской красоты, бесспорно, назвали бы породистым. Большие, выразительные карие глаза изучали собеседника открыто и прямо, если не сказать – с вызовом. Но мужчин такой взгляд завораживал, манил, женщин же настораживал, заставлял нервничать. Ее можно было либо боготворить, либо ненавидеть. Оставаться равнодушным было невозможно. В последние годы Вероника носила короткую стрижку, которая ей шла и в полной мере соответствовала образу деловой женщины. Темные каштановые волосы оттеняли прекрасный, теплый цвет лица и чувственные губы, которым шел самый дерзкий оттенок помады.

«Одна из самых красивых актрис российского кино дебютировала в картине «Под знаком Скорпиона» и сразу же завоевала сердца зрителей. Ей прочили небывалый успех и головокружительную актерскую карьеру, – писали в одной из статей, посвященной ее странной гибели. – Вероника могла бы уехать на Запад, покорить Голливуд, но... не сложилось».

«Вероника Песецкая заключает брак с молодым врачом, – сообщала заметка несколькими месяцами ранее. – В окружении бывшей актрисы, а ныне владелицы модельного агент-

ства «Russian Look», выбор Вероники Песецкой не комментируют. Известно лишь, что молодой супруг, некий Виталий Бойко, работает врачом-онкологом и к миру искусства отношения не имеет. Пикантная деталь: разница в годах между супругами – двенадцать лет».

«Вероника Песецкая тяжело больна. По сведениям заслуживающих доверия источников, владелица модельного агентства «Russian Look» находится в онкологическом диспансере и готовится к операции. Бывшую актрису поддерживает близкий друг (а также возможный претендент на ее руку и сердце) – Ярослав Непомнящий».

Упс! Откуда здесь взялся Непомнящий?

Заметки в Интернете располагались в хронологическом порядке, но от конца к началу, отчего жизнь Песецкой казалась историей, написанной наоборот: со времени ее кончины к дням, когда Вероника была счастлива и успешна.

«Ярослав Непомнящий – крупный бизнесмен, известный ресторатор, очевидно, скоро потеряет статус завидного холостяка, – раскрывала интригу светская хроника годовалой давности. – 14 февраля, в День всех влюбленных, состоялась его помолвка с актрисой Вероникой Песецкой. В присутствии избранного круга друзей невесте было преподнесено обручальное кольцо, выполненное по индивидуальному заказу известным французским ювелиром. Событие было отмечено в одном из новых ресторанов Непомнящего».

К последней статье прилагалось фото обрученных. Веро-

ника была обворожительна в платье с глубоким декольте, открывающим шею и грудь. Впрочем, жених тоже был неплох: красивый, холеный мужчина средних лет с густой шевелюрой темно-русых волос. Он был немного ниже Вероники, но это обстоятельство вряд ли можно было отнести к его недостаткам. Ярослав знал цену себе, что читалось по ястребиному взгляду его холодных голубых глаз, по аристократической посадке головы и выправке плеч. Это должен был быть хороший, крепкий брак, основанный если не на страсти, то на выверенном точном расчете. Это мог быть союз двух красивых успешных людей, которым для того, чтобы быть вместе, не нужно одобрение окружающих.

Странно, что громкое обручение не закончилось свадьбой. Вернее, брак Вероники был зарегистрирован, но по странной прихоти судьбы фигурки на свадебном торте изменились. За локоток невесту придерживал не нарядный бизнесмен во фраке и с бабочкой, а скромный врач с небольшим заработком и заурядной репутацией.

Дубровская чувствовала, что помимо своей воли она уже втянулась в эту странную историю с гибелью актрисы. Она убеждала себя, что неприлично отказать человеку в отчаянной просьбе, когда на кону стоит его жизнь. Ее долг – хотя бы навестить Виталия в следственном изоляторе, переговорить с ним, может быть, дать совет. Вернее, Лиза ощущала, что ей до смерти хочется заняться этим делом, и последние два часа она взвешивает «за» и «против» ее нового предприятия.

И к черту, если на чаше весов «за» совсем нет аргументов. Главное – у нее в руках есть повод – письмо Виталия Бойко. Она хотя бы увидит его, а там как знать... Если посчитает нужным, откажется. Ведь прав был Андрей: ей даже не заплатили...

Глава 3

Первый сюрприз поджидал Дубровскую сразу после того, как в дверь следственного бокса ввели Виталия Бойко. Елизавета рассчитывала увидеть эдакого модного хлыща, охотника за дамскими кошельками. Но перед ней стоял вовсе не прожигатель жизни, а скромный молодой человек, которого так легко было представить в белом халате со стетоскопом на груди.

– Добрый день, – поздоровался он, адресовав Лизе мягкую улыбку. – Примерно так я вас себе и представлял. Я благодарен вам за то, что вы пришли.

Интересно, как он себе ее представлял? Жаль, что она не могла ответить ему тем же. Ведь на месте этого высокого худого сероглазого парня должен был быть красавчик, которого не стыдно показать в рекламе трусов.

– Извините, но мой приход к вам, Виталий, еще не означает, что я возьму на себя вашу защиту, – сказала Дубровская, предпочитая сразу же брать быка за рога. – Меня тронуло ваше письмо, и я подумала, что... может быть, смогу дать вам какой-нибудь полезный совет.

На лице Бойко отразилось такое искреннее огорчение, что Елизавета почувствовала себя неловко. Надо было быть полной дурой, чтобы прийти в изолятор к человеку, который вызывает о помощи, и заявить ему, что делает это ради свет-

ских приличий. Лучше бы уж она написала письмо!

– Я понимаю. Должно быть, глупо рассчитывать на помощь адвоката, не заплатив ему.

Дубровская покраснела.

– Дело не в деньгах... – Интересно, тогда в чем? – Просто я не знаю еще сути вопроса. Быть может, я просто не смогу сделать для вас то, что вы ожидаете.

– Суть вопроса проста, – заверил ее Виталий. – Я невиновен!

Вот это он мог и не говорить. Заявление о невиновности, столь значимое для самого клиента, для адвоката звучало вполне заурядной фразой.

«Я невиновен!» – заявлял матерый уголовник, обвиняющийся в убийстве двух своих сокамерников, и для пущей убедительности бил себя татуированным кулаком в грудь. «Вы знаете, я тут вообще ни при чем», – смущенно улыбалась женщина, попавшаяся на кражах в служебной раздевалке. «Это дело сфабриковано следователем! – возмущался взяточник. – Я невиновен, а деньги мне попросту подложили!»

Дубровская привыкла к подобным высказываниям и относилась к ним спокойно, без эмоций, как врач относится к жалобам пациента. Кодекс адвокатской этики учил ее уважать любую позицию защиты. Говорите, невиновен? Хорошо, тогда мы посмотрим, что тут можно сделать.

– Обвинение утверждает, что вы ввели инъекцию инсу-

лина Песецкой, рассчитывая на ее смерть, – просто сказала Елизавета. – После ее кончины вы стали обладателем немалого состояния женщины. Вас обвиняют в убийстве из корыстных побуждений.

– Это бессовестная ложь! – заявил Виталий, и ноздри его затрепетали, как у норовистого коня. – Я заключил брак с Вероникой только потому, что она безумно нравилась мне. Конечно, она была старше меня на двенадцать лет, и этот факт считается сейчас едва ли не главным доказательством моей вины. Можно подумать, что любить женщину старше себя – это уже преступление!

Дубровская с грустью подумала о том, что последние слова Виталия не лишены смысла. Общество лояльно относится к бракам между зрелым мужчиной и молоденькой женщиной, но к ситуации противоположной относится нетерпимо. Найдите того, кто кинет камень в старину Лыкова? Увлечение молоденькой студенткой вызывает разве что снисходительную усмешку, и это несмотря на то, что жених уже немолод, грузен и страдает одышкой.

– Но дело не только в том, что Вероника была старше вас, – напомнила Елизавета. – Песецкая была смертельно больна. Она перенесла операцию по удалению груди. Трудно представить, что в такой тяжелый период жизни она была способна на романтические подвиги. Тем более странно выглядит ваша внезапно вспыхнувшая страсть к женщине, которая одной ногой стоит в могиле. Вы меня извините, я

всего лишь привожу вам доводы обвинения.

— Конечно, это сильный аргумент в глазах большинства наших граждан, — тихо признался Виталий. — Нас учат любить красивых, молодых и сильных. Телевидение и глянце-вые журналы навязывают свои каноны красоты. У женщины должна быть тонкая талия, упругий зад, полная грудь, не говоря уже о том, что всего должно быть по паре: две груди, две ягодицы, два глаза. Если чего-то не хватает, то это уже калекка, любить которую можно только из корысти...

Дубровская рассматривала Виталия, стараясь уловить в его словах, жестах нотки фальши. Она тестировала его как детектор лжи, обращая внимание на все мелочи. Она видела, что он волнуется, что у него дрожат руки. Она видела, что он страстно хочет, чтобы адвокат ему поверила. Сейчас он уже не напоминал ей доктора в белом халате. Он казался ей натурой артистичной, тонкой, и Елизавета подумала, что газеты поторопились с выводами о том, что Вероника и Виталий — два совершенно разных человека, которых объединила не страсть и не одинаковый взгляд на вещи, а жестокая болезнь.

— Отсутствие груди — это убийственный аргумент для большинства мужчин, в тот числе и для этого сукина сына Непомнящего, который сейчас громче всех кричит о моем коварстве, — продолжал Виталий, словно ожидая, что адвокат уже знает все перипетии их любовного треугольника. — Но я полюбил Веронику такой, какой она была: бедной, страдающей и невероятно красивой. Видите ли, я художник по

натуре... – Он смущенно посмотрел на Дубровскую, словно признавался ей в чем-то постыдном. – Я рисую... Так вот, впервые встретив Нику в больничном коридоре, я был сражен наповал. Боюсь показаться вам напыщенным, неискренним, но на меня она произвела неизгладимое впечатление. Она была бледна, спокойна, даже величественна. Ее облик так не вязался с тем проклятым местом, где люди страдают от осознания близости смерти, что я смотрел на нее, как на чудо. К тому же Ника была очень красива...

С этим Дубровская была согласна. Она уже другими глазами смотрела на Виталия и видела то, что раньше не замечала. Он и вправду больше походил на художника, чем на врача. Теперь она представляла его с кистью в руках, стоящего напротив мольберта, и сосредоточенно смешивающего краски. У него был вдумчивый взгляд, длинные нервные руки и изящные пальцы. Довершали сходство тонкие русые волосы, зачесанные на прямой пробор и ниспадающие по обеим сторонам лица в прическе, напоминающей каре. В серых глазах застыла боль.

– Понимаете, успех вашего дела во многом зависит от того, какую линию защиты вы выберете, – осторожно заметила Лиза. – Ну и, конечно, состав суда...

– Я все решил. Я хочу узнать мнение суда присяжных, – сообщил Бойко, а Елизавету словно обдало волной холода.

– Присяжные? – переспросила она. – Почему не профессиональный судья?

– С некоторых пор я не доверяю профессионалам. Все началось со следователя, который вел мое дело на следствии, с оперативников, которые часами измывались надо мной, задавая скабрёзные вопросы. Например, что представляет собой удаленная молочная железа? Можно ли женщине заниматься после такой операции сексом? Нет уж, я сыт по горло теми, кого вы называете профессионалами. Я хочу знать мнение простого народа.

Дубровская промолчала насчет того, каким жестоким может оказаться обыватель, решая вопросы вины и невиновности по такому деликатному делу. Но, может, Виталий Бойко прав, и суд присяжных даст ему шанс быть услышанным, понятым и прощенным?

– Итак, я вам уже сказала, что многое будет зависеть в вашем деле от позиции защиты, – повторила Дубровская, ощущая себя занудой. – В суде присяжных заседают простые люди. Его иногда еще называют «судом улицы» или «судом толпы». В этом смысле важно, чтобы аргументы в вашу защиту были простыми и понятными...

Она вопросительно посмотрела на Бойко. В ее словах он слышал недосказанность.

– Боюсь, что присяжные не поймут ваши романтические порывы, – честно сказала она. – Они решат, что вы лишили жизни Песецкую ради ее денег, и чем больше вы будете говорить о своей любви, тем меньше они будут вам верить.

– Что же делать?

Дубровская пожала плечами:

– Быть может, стоит изменить позицию? Вот если бы вы сказали, что ввели инъекцию Веронике из чувства сострадания, это было бы совсем иное дело. Эвтаназия – право на «хорошую смерть», явление, запрещенное законом, но понятное для большинства людей. Что может быть гуманнее, чем освобождение безнадежно больного человека от ненужных страданий?

Лицо Виталия окаменело, словно слова адвоката парализовали его. Но когда к нему вернулась способность говорить, он яростно отверг такой план защиты:

– Никогда я не скажу такое! Я не убивал Веронику и не устаю об этом повторять следователю, оперативнику, теперь вам! Я не вводил ей инъекцию!

Дубровская выпрямилась в струнку. Щеки ее порозовели.

– Я, конечно, еще незнакома с материалами уголовного дела, но знаю из газет, что железного алиби у вас нет. – Она вопросительно взглянула на него, и Бойко неохотно кивнул. – Вы – врач, а Песецкая умерла от инъекции. Вы можете утверждать, что она это сделала самостоятельно, но, боюсь, присяжные вам не поверят. Они решат, что вы хитрите, что вам есть что скрывать. К тому же большое наследство Вероники – явно не аргумент в пользу вашей невиновности. Пусть это звучит странно, но заявление о том, что вы действовали из чувства сострадания, может дать необходимый эффект. Присяжные вам поверят.

– Вы шутите? Этим я подпишу себе смертный приговор! Медицинское содействие самоубийству в нашей стране карается по закону!

– Да. Но вы забываете о специфике суда присяжных, – выложила Лиза свой основной козырь. – Присяжные заседатели судят не по закону, а по совести, и, если они решат, что с точки зрения человеческой морали ваши действия объяснимы, они могут вынести вердикт о вашей невиновности.

Это была чистая правда. Присяжные могли оправдать подсудимого, в случае если он, застав насильника своего сына на месте происшествия, жестоко покарал его. Они признавали невиновной женщину, забившую мужа чугунной сковородой, если понимали, что в течение многих лет она терпела от него побои и унижения. Были и другие примеры, но Лиза интуитивно ощущала, что тема эвтаназии поможет им выстрелить в нужном направлении. Хотя... Стоп! Как они добьются результата, если главный вопрос так и не решен? Дубровская не дала своего согласия защищать Виталия в суде.

Похоже, они думали об одном и том же. Бойко, заметив замешательство адвоката, как-то сразу обмяк.

– Все, что вы говорите, очень интересно. Но я не убивал Нику. Я собираюсь говорить об этом в суде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.